

Сион Сол Санкленд был старшим сыном короля Санкленда. «Тот, кто правит людьми, должен твёрдо верить в справедливость и держать справедливость близко к своему сердцу». Его отец часто говорил ему эти слова, когда он был молод... И с тех пор они его вели. По сей день он всё ещё жил ими. Королевство и знать – те, кто правят людьми – всегда должны гордиться своей честностью и придерживаться таких стандартов, чтобы они могли быть примером для своих подданных. Он всегда так считал, но... Когда он вырос, были вещи, которых он не мог не видеть. Он осознал, что не все дворяне одинаковы и что не все – даже большинство из них – живут по принципам его отца. Тем не менее, он питал надежду в отношении Академии Сен-Ноэля. В конце концов, это была школа, в которой собирались выдающиеся ученики из знати. Многие из них должны подавать пример в своем поведении и добродетели. Несомненно, здесь он встретил множество людей, достойных власти... И именно из-за своих надежд он был глубоко раздражён видом студентов, ссорящихся из-за такого пустяка, как порядок, в котором они переходили озеро. Вскоре после этого он был вынужден стать свидетелем другой сцены, совершенно неподходящей для благородных дворян. Благородная девушка, которая встала на защиту своего оплошавшего слуги, подверглась издевательствам со стороны трёх других благородных девушек.

«...Ха. То же самое и здесь».

«К сожалению, да, но гниль, гноящаяся среди членов королевской семьи и знати страны, с каждым днём усугубляется. Тех, кто придерживается принципов Его Величества и милорда, очень мало», – сказал его дворецкий Кейтвуд, который пожал плечами и покачал головой. Его губы изогнулись в той же кривой улыбке, которую он всегда надевал.

Они оба воспитывались вместе с самого детства. Сирота войны, Кейтвуд был принят королём в детстве, который воспитывал его, как собственного сына. В результате между ними образовалась крепкая связь, и они доверяли друг другу как братья.

«Итак, каков план? Мне кажется, это доставляет мне массу неприятностей. Ты собираешься помочь?»

«Очевидно», – без малейшего колебания кивнул Сион. Агрессия была явно односторонней. Оставлять девушку терпеть такие словесные оскорбления противоречит принципам справедливости. Однако, как только он собирался вмешаться, что-то промелькнуло в его поле зрения.

«Простите, но что именно вы делаете, девочки?» – спросила молодая девушка требовательным голосом. Её слегка развевающиеся волосы сияли, как будто они были пропитаны серебряным сиянием луны. С гневом, окрашивающим каждый дюйм её прекрасного лица, она объявила себя как Миа Луна Тиамун.

«Ха... Принцесса Миа. Та, кого называют Мудростью Империи... Так вот она», – прошептал он, глядя издали, слегка замороженный девушкой. Он был очарован – даже немного тронут – тем, как она смело ворвалась на сцену. Её смелость была достойна восхищения. А гнев ещё больше. Ведь гнев был правильной реакцией на притеснение бессильных. Для Сиона способность испытывать праведную ярость – справедливо гневаться в ответ на злые дела – была важным качеством тех, кто властвовал над людьми. Однако сколько людей действительно могут сочувствовать страданиям других? Кто из них может зайти так далеко, что почувствует гнев, как если бы он сам был обижен? Даже Сион, который был готов вмешаться, сделал бы это только из чувства долга. Это исходило из разума, а не из сердца. Столкнувшись с неподдельным гневом Мии на несправедливость, он почувствовал, что увидел в ней задатки правителя, который действительно соответствовал его идеалам.

...Честно говоря, это был удивительно острый пример того, почему люди никогда не могут полностью понять друг друга.

«Ходят слухи, что она договорилась о строительстве больницы в трущобах».

«Да, я слышал. С тех пор я надеялся встретиться с ней, но... - его взгляд всё ещё был прикован к Миа, Сион приложил большой палец к подбородку. - Откровенно говоря, я ожидал найти девушку, которая вела замкнутую жизнь и едва ли отличает своё золото от своих медалей. Или, в лучшем случае, та, кто обладает избытком милосердия, но мало чем ещё...»

Некомпетентный, но милосердный правитель был намного предпочтительнее, чем тот, кто активно сеет беспорядки через неправильное управление. По этой причине Сион не слишком плохо думал о Миа, но сцена, свидетелем которой он только что стал, сильно изменила его мнение о ней.

«Когда она отдала свою заколку... Она, вероятно, сделала это с полным пониманием того, какой эффект будет иметь это действие».

Добродушный простак не стал бы первым бросаться в беду, не говоря уже о том, чтобы помешать злодейству. Сион был уверен, что Миа обладала мудростью, подобающей её императорской крови, и держала справедливость близко к своему сердцу.

«Если её дружба - единственное, что я получаю от Сен-Ноэля, то всё равно стоило бы прийти сюда», - сказал Сион, и его настроение заметно улучшилось, поскольку его мнение о Миа подверглось приступу гиперинфляции.

Между тем Миа ужасно волновалась. Она почувствовала себя неплохо после того, как произнесла то, что она считала мастерской насмешкой, но её триумф оказался недолгим. Увидев, как Тиона расплакалась, её сразу охватила волна вины. Я никак не ожидала, что она так легко заплачет!

Миа никогда не была тираном. Во всяком случае, она была своего рода слабаком, и хотя её совесть была вечной бездельницей, она тоже не была лишена её.

«А-а, может, я... э-э... зашла слишком далеко? Да? Так что, не могли бы вы... перестать плакать? Пожалуйста?» - запинаясь, пробормотала она, прежде чем сунуть платок в руки Тионы. - П-вытри этим лицо!»

Затем она скрылась с места происшествия.

<http://tl.rulate.ru/book/34369/1325128>